

MILHIST

INFO

Рогожин А.А. Генерал-поручик Георг Густав фон Розен в России начала XVIII в.

"Их судьбы в России складывались по-разному: кто-то с нетерпением ожидал завершения срока контракта и при первой возможности уезжал обратно в Европу, а кто-то долго и успешно служил в рядах русской армии, составляя важнейшую часть ее генералитета. Порой иностранные генералы, в чуждой для себя среде, не сумев вовремя распознать опасности тех интриг, что плелись за их спиной, становились жертвами жестокого служебного соперничества, и их карьера в новой стране, успешно начинаясь, завершалась крахом. Одним из таких неудачников, не прижившихся и вынужденных оставить Россию, был Георг Густав фон Розен, генерал-поручик кавалерии на русской службе."

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2014/12/29/rogozin>

Ссылка для печатных изданий:

Рогожин А.А. Генерал-поручик Георг Густав фон Розен в России начала XVIII в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. VI. — С. 80-101. <<http://www.milhist.info/2014/12/29/rogozin>> (29.12.2014)

www.milhist.info

2014г.

www.milhist.info

ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИК ГЕОРГ ГУСТАВ ФОН РОЗЕН В РОССИИ НАЧАЛА XVIII в.

Великая Северная война 1700–1721 гг. привлекла в Россию плеяду опытных, уже заработавших себе имя офицеров, которые были призваны использовать свои способности на благо растущей русской армии. Русское правительство, оказавшись после тяжелейшего поражения под Нарвой в 1700 г. перед необходимостью восполнять потери в командном составе, было вынуждено через своих представителей при различных европейских дворах приглашать на службу иностранных военачальников. Россия и во второй половине XVII в. прибегала к найму иноземных офицеров, но теперь стала одним из наиболее активных игроков на вербовочном рынке Европы. Среди этих военных специалистов все чаще встречались командиры высшего ранга, генералы, в которых русская армия первые несколько лет войны против Швеции испытывала острую нужду. Их судьбы в России складывались по-разному: кто-то с нетерпением ожидал завершения срока контракта и при первой возможности уезжал обратно в Европу, а кто-то долго и успешно служил в рядах русской армии, составляя важнейшую часть ее генералитета. Порой иностранные генералы, в чуждой для себя среде, не сумев вовремя распознать опасности тех интриг, что плелись за их спиной, становились жертвами жестокого служебного соперничества, и их карьера в новой стране, успешно начинаясь, завершалась крахом. Одним из таких неудачников, не прижившихся и вынужденных оставить Россию, был Георг Густав фон Розен, генерал-поручик кавалерии на русской службе.

Детали биографии иностранца проясняют «расспросные речи», записанные в Посольском приказе в августе 1703 г., когда Г.Г. фон Розен прибыл на русскую службу. Из них становится ясно, что этот лифляндский дворянин из Риги, уже в 1668 г., в возрасте 17 лет, отправился добывать себе славу на ратном поприще, подальше от родных, в армию французского короля

Людовика XIV¹. Причём он вступил в службу простым солдатом, но через год был переведен в кавалерию и повышен в чине до корнета. Спустя четыре года фон Розен уже был капитаном, командуя ротой кавалерийского полка². Всего за пять лет дослужиться до такого чина являлось несомненным успехом для молодого человека. Возможно, быстрой карьере лифляндца во Франции поспособствовали родственные связи. Его дядей был Конрад фон Розен, ставший в начале XVIII в. маршалом Франции, а в конце 1660-х гг. командовавший в армии Людовика XIV кавалерийским полком в чине полковника. До него этот же полк возглавлял ещё один дальний родственник нашего героя — генерал-лейтенант Рейнгольд фон Розен³. Сам Конрад служил под его началом подполковником, а после смерти генерал-лейтенанта в 1667 г., то есть за год до прибытия во Францию семнадцатилетнего Георга Густава, был повышен в чине и назначен командиром полка⁴. Хотя мы не знаем достоверно, служил ли Г.Г. фон Розен в этом полку, но весьма вероятно, что он использовал поддержку и покровительство дяди для своего быстрого служебного продвижения⁵.

Около 1674 г. подающий надежды офицер неожиданно оставляет французскую службу. Что это было — поиск нового пристанища в духе истинного авантюриста эпохи барокко или вынужденный шаг, связанный со служебными неурядицами, оставшимися нам неизвестными, — непонятно. Есть лишь сведения, что в 1675 г. Г.Г. фон Розен учился в Кенигсберге⁶. Но в 1681 г., после убийства на дуэли своего противника и несмотря на то, что суд оправдал его, лифляндец был вынужден вернуться к военному поприщу⁷. Около 1683 г. фон Розен поступил на службу датскому королю, был направлен на помощь «цесарским» войскам против турок и четыре года исправно воевал капитаном в кавалерии. Здесь он снова оказался на виду, благодаря чему в 1687 г. был повышен сначала до майора, спустя два года произведён в подполковники, а ещё через год был уже полковником кавалерийского полка на датской службе. В этом чине фон Розен «задержался» на пять лет, но затем его ждало новое повышение, и в 1695 г. он стал генерал-майором кавалерии датской армии.

Более того, числясь на службе короля Кристиана V и сражаясь против турок, лифляндец обрастал связями в германских землях, попутно удостоиваясь наград от «цесарских» властей. Судя по всему, в 1693 г. император Священной Римской империи Леопольд I возвел Г.Г. фон Розена в имперские бароны⁸.

Но вскоре наш герой оказался не у дел. Уставшая от войн с турками Империя заключила в 1699 г. Карловицкий мир, а Г.Г. фон Розен остался жить в «цесарских» землях, в Силезии, около Бреслава, в своих «маетностях»⁹. Очевидно, они достались ему после женитьбы на баронессе Доротее Магдалене Леопольдине фон Логау¹⁰. С началом Войны за испанское наследство 1701–1714 гг. барон был возвращен из провинциального небытия. Согласно его словам, по указанию императора Леопольда I он был отправлен для переговоров к «курфистром, и к Графом, и к волным Бароном в провинции и во обдержателства», добиваясь от них поддержки «цесаря» в войне¹¹. В Праге за эту активную деятельность Г.Г. фон Розен с разрешения папы римского удостоился награды от иерархов католической церкви, пожаловавших лифляндцу орден. В русских документах барон в связи с этим именовался «кавалером чина Красной Звезды»¹². Однако, судя по всему, Г.Г. фон Розен стал кавалером ордена Золотой Шпоры, и речь идет именно о нем. Заслуженный генерал, имевший реальный боевой опыт, кавалер и имперский барон, владелец поместья в Силезии, — карьера лифляндца вполне состоялась, но энергии 51-летнего генерал-майора было достаточно для того, чтобы попытаться оставить свой след в Великой Северной войне.

Одно из наиболее ранних указаний на возможность вступления Г.Г. фон Розена в русскую службу относится к 1702 г. Небезызвестный лифляндец И.Р. фон Паткуль, надеявшийся на выгодные для него поручения от русского правительства, в марте 1702 г. предложил Петру I нанять в Европе ряд иностранных генералов. Паткуль, судя по его собственным словам, успел предварительно переговорить с фон Розеном, добился от него согласия нанять для русской армии драгунский полк и теперь ожидал дальнейших инструкций для ведения переговоров¹³. В апреле 1702 г., с изданием по велению Петра I

манифеста «о вызове иностранцев» в Россию, значительная часть работы по вербовке офицеров за рубежом была передана в ведение И.Р. фон Паткуля. Лифляндец активно распространял в «немецких землях» «плакаты» с призывом на русскую службу, но реально заинтересовать Г.Г. фон Розена смог только спустя год.

В начале 1703 г. Паткуль, проезжая через Бреславль, встретился с пребывавшим на покое генерал-майором. Он провел переговоры с Г.Г. фон Розеном, рисуя земляку невероятные перспективы: гарантия чина «полного» генерала в России, 300 рублей денежного жалованья в месяц и совсем уж нереальные 20–30 тыс. человек под его командованием¹⁴. Едва ли можно было ожидать, что столь значительные силы будут подчинены пока еще неизвестному русскому правительству иностранцу, все же барон был профессионалом не с таким послужным списком, как Г.Б. Огилви, так что представитель русского правительства явно перестарался в своем желании нанять опытного военного¹⁵. Впрочем, И.Р. фон Паткуль предусмотрительно не стал подписывать с фон Розеном никакой «капитуляции», не дал ему и денег или «проезжего листа», то ли предпочитая завершить переговоры позднее, то ли предоставляя генерал-майору самому искать дорогу в Россию, чтобы подстраховаться на случай упреков в собственный адрес по поводу его найма. Г.Г. фон Розен на свой страх и риск отправился в Торунь, где разыскал русского посланника князя Г.Ф. Долгорукова. Тот выдал иностранцу «проезжий пас» и письмо с просьбой о пропуске в Москву, адресованное киевскому губернатору. Весной 1703 г. генерал-майор, с сыном И.Г. фон Розеном в качестве адъютанта, в сопровождении нескольких офицеров и католического священника, отправился в Россию по странному маршруту Вена—Венеция—Киев¹⁶.

В Москву Г.Г. фон Розен добрался в августе 1703 г., представился в Посольском приказе, подал соответствующие документы о себе и своей прежней службе, получил «в зачет вперед будущие месяцы» 200 рублей денежного жалованья и по установленному порядку был отправлен в Военный

приказ, решать дальнейшие вопросы о своем найме в русскую армию¹⁷. Т.Н. Стрешнев, как глава Военного приказа, распорядился отправить прибывшего иностранца для встречи с Петром I на Олонецкой верфи¹⁸. Ф.А. Головин в письме И.Р. фон Паткулю в октябре 1703 г. сообщал, что по «поставленному вашему плакату два генерала-лейт(ен)анта, один от кавале(р)ии Роза, другой Шомбек от пехоты и при них 11 офицеров приняты есть, что и они, видя те плакаты, приехали и тако без всякого противления по оным приняты»¹⁹.

Несмотря на успешное вступление в службу, барон не получил ни отдельного полка под свое командование, ни назначения в действующую армию. Осенью у Петра I возникла идея отправить Г.Г. фон Розена в Европу для вербовки на русскую службу офицеров. Русское правительство рассчитывало на его связи в австрийских военных кругах и определенную известность среди командного состава, что должно было привлечь иностранных начальных людей в русскую армию. Такой расчет был вполне в духе предложения И.Р. фон Паткуля, который еще в 1702 г. убеждал Москву, что сперва необходимо нанять в Европе известных генералов, так как «за ними искусные полковники сами собою последуют, и будет из кого выбирать, вместо того, что теперь должны брать со всех углов»²⁰.

До тех пор, пока готовилась миссия Г.Г. фон Розена, его решили использовать как военного советника, учитывая богатый военный опыт генерала. Возможно, именно осенью 1703 г. барон представил русскому правительству свои рассуждения о принципах ведения военных действий, которые в русском переводе обрели тяжеловесное название «Генеральные статьи как войско на прямой ступени поставить и оборонительно и наступательно действа может»²¹. Можно предположить и то, что эти «статьи» были написаны не по инициативе самого генерал-поручика, а по предложению русского правительства, заинтересованного во мнении опытного военачальника о ходе военного строительства в России. Впрочем, сами «статьи» представляют собой лишь рассуждения о действиях командного состава, необходимых для достижения успеха в сражении, и некоторых нюансах организации армии.

Текст Г.Г. фон Розена, написанный первоначально на немецком языке, был принят и переведен, но непонятно, что происходило с ним дальше и стал ли документ известен царю или кому-либо из правящей верхушки государства. Судя по всему — нет, и «статьи» так и остались в бумагах Посольского приказа после перевода на русский язык.

Первоначальный вариант «наказа» генерал-поручику, то есть инструкции, которой он должен был руководствоваться в Европе, составленный в ноябре 1703 г., говорит о том, что деятельность барона должна была иметь более широкий размах, нежели вербовка одних лишь военных профессионалов. В шестой статье первоначального варианта наказа от лица Петра I утверждалось: «Желая же дабы в моей земле академию установить, которая паче уклонена была к воинскому учению, а не на поставление попов, и для того бы он (фон Розен. — А.Р.) поговорил с профессорами в Шлеской и Ческой земле, дабы мне ответами помогали, как их добыть, кто и колико к тому надобно и чтоб добыли людей, которые искусны были во всяких художествах и в славенском языке»²². Желание царя открыть в России аналог европейских военных академий добавляло еще один пункт к поручениям Г.Г. фон Розена. Однако в окончательном варианте наказа, датированном 13 декабря 1703 г. и выданном барону при отправлении в Австрию, этой статьи уже не было. В первую очередь Г.Г. фон Розену следовало добиться от императора Леопольда I разрешения вербовать офицеров на службу на территории Священной Римской империи, передав ему царскую грамоту с соответствующей просьбой. Среди офицеров предпочтение должно было отдаваться людям, знающим любые славянские языки, чтобы облегчить интеграцию иностранцев в русскую армию. Причем вербовать предписывалось опытных офицеров в чине от капитана и выше, как пехотных, так и кавалерийских, потому как потребность в прапорщиках или поручиках предполагалось снизить за счет внутренних резервов. Далее барон должен был «приискать» инженеров, артиллерийских офицеров и докторов²³. Исключение из окончательного варианта «наказа» статьи о поиске преподавателей для военной академии, вероятно, связано с тем,

что миссия фон Розена и без того была непроста, требовала подключения всех его связей, так что взваливать на плечи генерала еще и переговоры с «профессорами» посчитали излишним.

На всю вербовочную деятельность Г.Г. фон Розену был дан вексель, с «обнадеживанием», что значительную часть денег русское правительство чуть позднее перешлет русскому посланнику в Вене князю П.А. Голицыну, советуясь с которым и должен был работать барон²⁴. В Вену фон Розен прибыл в конце февраля 1704 г.²⁵ Там он вскоре встретился с фельдмаршал-лейтенантом австрийской службы Г.Б. Огилви, ранее уже подписавшим договор о службе в России с И.Р. фон Паткулем и П.А. Голицыным, но при этом отнюдь не торопившимся в Москву. Дело в том, что Г.Г. фон Розену, среди прочего, в «наказе» поручалось разыскать Огилви в Вене, побеседовать с ним и уговорить все-таки начать выполнять условия договора как можно скорее, отправившись, наконец, в Россию, где его так ждали²⁶. Эту часть поручения барон исполнил одной из первых. Впрочем, «цесарский» фельдмаршал-лейтенант уже окончательно решил отправиться на русскую службу, так что длительных уговоров со стороны фон Розена не потребовалось.

Однако избежать неприятностей все же не удалось. Сперва Г.Б. Огилви забраковал многих офицеров, отобранных генерал-поручиком для поступления на русскую службу, настойчиво уговаривая Г.Г. фон Розена не подписывать с ними никаких договоров. Судя по письмам, отправленным генерал-поручиком в качестве своего рода отчета курировавшему его деятельность Ф.А. Головину, он искренне не мог понять, в чем дело и чем так плохи выбранные им офицеры: «они добро служили, но токмо от счастья и поступков временем оставлены бывают и не все патронов имеют»²⁷. Но, как оказалось, это затруднение было лишь прологом настоящей ссоры двух военачальников. Незадолго до отъезда Огилви, фон Розен был приглашен к нему на торжественный обед, где присутствовали разные высокопоставленные лица австрийской армии, пришедшие провожать военачальника. Г.Б. Огилви во всеуслышание заявил, что «он к Москве токмо многих ради денег идет, а чтоб ему большей чести и

славы нажать того и в намерении не имеет»²⁸. Г.Г. фон Розен тут же ответил, что «сие зело легкое намерение такого знатнаго Генерала, и буде совершенно иного помышления к услуге Его Царскаго Величества не имеет, коему и Фельдмарш(ал) не нужен, ибо всякий и простой человек, без труда то, что он намеревается, чинить может»²⁹. Этим заявлением лифляндец нажил себе еще одного недоброжелателя — Огилви так и не простил ему этих слов³⁰.

В Москву генерал-поручик вернулся в августе 1704 г., по дороге старательно избегая встречи со шведскими войсками³¹. До начала октября барон прожил в городе, терпеливо дожидаясь офицеров и профессионалов разного рода, которых он нанял в Европе. К концу сентября в Москву приехало 59 человек, имевших договоренность с Г.Г. фон Розеном. Среди них было 7 прапорщиков, 8 поручиков, два десятка капитанов, майор, 5 подполковников, два полковника, а также аудиторы, генеральные адъютанты, лекари, ротные писари и так далее³². После этого генерал мог с чистой совестью отправляться в действующую армию, но назначения все не было. Барон, считая свое поручение успешно выполненным, чувствовал себя несправедливо оттесненным, лишенным шанса продемонстрировать свое военное искусство. Возвращаясь к первоначальному варианту «наказа» фон Розена, стоит заметить, что в итоге из него была исключена статья не только о поиске преподавателей для военной академии, но и пункт о награде для барона после возвращения в Россию. В девятой статье генерал-поручику гарантировалось повышение в чине, «милостиво обещаем по совершению сего дела, которое на себя перенял, генералом над конницею пожаловать»³³. Судя по всему, этого варианта наказа генерал-поручик не видел и требовать повышения в чине до генерала от кавалерии после возвращения из Вены не стал. Однако жить в Москве, не имея никакого назначения на службу, он также не желал, поэтому осенью, в сентябре — начале октября 1704 г. (точнее датировать не удалось), он просил царя дать ему под командование полк, «яко прочим генералом»³⁴. Тогда русское правительство решило не держать столь «дорогостоящего» военачальника

втуне и уже в октябре, получив подводы и прогонные деньги, генерал-поручик отбыл на «ево великого Государя службу»³⁵.

Но непосредственное определение Г.Г. фон Розена к команде в действующей армии встретило ряд затруднений. Весной 1705 г. Он был отправлен под начало генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева. Царский указ предписывал дать генерал-поручику под команду драгунский полк, что поставило Бориса Петровича в тупик. Дело было в том, что все полки, которые состояли в распоряжении генерал-фельдмаршала, имели своих полковников, вполне устраивавших Шереметева. Осторожный военачальник, который, несмотря на свой опыт, был далеко не в «фаворе» у Петра I, решил запросить А.Д. Меншикова, как ему исполнить высочайшую волю и не прогневать царя. В качестве выхода он предлагал передать фон Розену какой-нибудь из «новоприборных» драгунских полков из Москвы³⁶. Ожидая, как разрешится это неожиданно возникшее затруднение, Б.П. Шереметев был вынужден держать генерал-поручика «при себе», очевидно, используя его советы и богатый военный опыт. Именно в таком качестве, своего рода «прикомандированного» генерала, не имея под своим началом ни одного полка, Г.Г. фон Розен встретил свою первую битву в рядах русской армии — поражение при Гемауэртгофе или Мур-мызе.

Надо отдать должное Б.П. Шереметеву, который смог извлечь пользу из присутствия генерал-поручика, даже не давая ему команду над полком. 15 июля, когда русские войска пришли к Гемауэртгофу, генерал-фельдмаршал именно фон Розена отправил для рекогносцировки неприятельских позиций. Более того, после военного совета ночью 15 июля Б.П. Шереметев передал Г.Г. фон Розену бригаду генерал-майора Р.Ф. Бауера и отправил генерал-поручика ночевать поближе к шведскому лагерю, оставив самого Бауера при себе. В дальнейшем, когда началась неожиданная атака бригад полковников С.И. Кропотова и И.А. Игнатьева на шведов, генерал-фельдмаршал вновь перебросил фон Розена на другую сторону, рассчитывая, что опытный генерал сможет поправить тот «непорядок», что учинился в русских рядах. Сражение

завершилось поражением русских войск и гибелью сразу трех драгунских полковников, что, как бы это ни звучало печально, все же расчистило путь Г.Г. фон Розену — ему был передан полк убитого С.И. Кропотова³⁷.

После летней кампании 1705 г. в Курляндии и Лифляндии Б.П. Шереметев был сначала отозван в Москву, в связи с начавшимся Астраханским восстанием и Башкирским бунтом, а в декабре и вовсе уже был в Казани³⁸. Группировка русских войск в Прибалтике осталась без генерал-фельдмаршала и командование перешло к старшим по чину генерал-поручику Г.Г. фон Розену и генерал-майору Р.Ф. Бауеру. Правда, после отъезда Шереметева генералам было приказано подчиняться князю А.И. Репнину, «да которых мест будет при Митаве»³⁹, но Аникита Иванович вскоре уехал в Гродно. В сентябре 1705 г. Б.П. Шереметев оставил фон Розену и Бауеру подробные инструкции, в которых им предписывалось с семью драгунскими полками⁴⁰ стоять в окрестностях Митавы, чтобы не дать А.Л. Левенгаупту перейти через Двину, ни в Курляндию, ни на территорию Великого княжества Литовского. Под руководством генералов должен был быть собран необходимый гарнизону Митавы провиант, починены поврежденные при осаде укрепления, выставлены караулы и расписан порядок расположения людей при возможном приступе врага к городу. Г.Г. фон Розену и Р.Ф. Бауеру вменялось строго контролировать передвижения шведов, не давая им разорять окрестные земли, и вступать с ними в бой, в случае же если противник будет способен нанести заметный урон — отступить в Митаву⁴¹.

Начало 1706 г. фон Розен встретил именно в Митаве. В январе Петр I упрекал генерал-поручика в том, что он не предпринимал активных действий, несмотря на все царские приказы, из-за чего шведы уже начали разорять Дерптский и Псковский уезды⁴². Нужно учитывать, что находившиеся под командой барона полки должны были быть готовы оказать поддержку основной русской армии, стоявшей в Гродно, так что Г.Г. фон Розен постоянно держал в уме вариант, при котором ему придется срочно оставить Курляндию и идти на запад. В спешке решить, что и в какой последовательности нужно было делать,

оказалось непросто. Судя по всему, фон Розен оказался в затруднении, так как получил два взаимоисключающих указания — одно от царя через А.В. Кикина, другое же от генерал-фельдмаршала Г.Б. Огилви. Последний, как человек осторожный и вдобавок скептически настроенный по отношению к своим подчиненным, приказывал Г.Г. фон Розену для быстроты действий оставить всю артиллерию в Митаве, тогда как царь желал, чтобы генерал-поручик, по возможности, предварительно отправил пушки и мортиры в Псков и Полоцк⁴³. В феврале фон Розену был отправлен детально проработанный наказ, в котором ему приказывалось, сразу по получении известия об оставлении русской армией Гродно, идти со всеми своими войсками, захватив с собой только полковые пушки, к Друе или «куды удобнее». Там он должен был отпустить свою пехоту к Полоцку и только с одной кавалерией двигаться навстречу основным силам, марширующим от Гродно. При этом был риск оказаться отрезанным от Митавы, если А.Л. Левенгаупт решит перейти к более активным действиям, так что генерал-поручик должен был быть очень осторожен, чтобы не попасть в ловушку⁴⁴.

В середине марта Г.Г. фон Розену был повторен приказ идти к Друе, предварительно подорвав укрепления Митавского замка. Поход следовало осуществить в тайне, распуслав известия, что корпус выдвигается к Ковно, стараясь, чтобы в Риге еще несколько дней не знали об уходе русских войск⁴⁵. Приказание царя генерал-поручик быстро исполнить не мог, так как его полки несколько недель запасали провиант и искали подвод, поэтому выступление было намечено только на 31 марта⁴⁶. Поддерживать фон Розена должен был Р.Ф. Бауер, которому было приказано стать около дороги, ведущей из Вильно к Полоцку, чтобы быть в состоянии оперативно прийти на помощь, когда это будет необходимо⁴⁷. Отдавая распоряжения Петр I вынужденно исходил из того состава генералитета, что имелся в Прибалтике, хотя уже знал, что отношения Г.Г. фон Розена и Бауера далеки от дружеских. Именно в 1706 г. начались события, сломавшие карьеру фон Розена. Обычное служебное соперничество

привело к тому, что генерал-поручик потерял всё, включая свой с таким трудом заработанный авторитет в русской армии.

Еще до начала похода корпуса Г.Г. фон Розена к Друе, в феврале 1706 г., генерал-майор Р.Ф. Бауер в письме царю жаловался на частые неоправданные отлучки военачальника со службы, но этим дело не ограничивалось. Бауер писал, что барон выдает иностранным торговцам «проезжие листы» в Ригу, что было под строгим запретом и, конечно, как считал генерал-майор, вряд ли он шел на такое нарушение бескорыстно⁴⁸. Отдадим должное Петру I, который не стал сразу же верить доносу и принимать скоропалительные решения. Он приказал А.В. Кикину тщательно расследовать возможные прегрешения фон Розена, но, даже если донос начнет подтверждаться, необходимо было раздобыть вещественные доказательства в виде пресловутых «проезжих листов»⁴⁹. Кикин исполнил поручение, действительно отыскав документы и отправив их царю. Однако он отметил, что Г.Г. фон Розен и не отрицал выдачу «проезжих листов», оправдываясь тем, что имел устное разрешение Петра I⁵⁰. Вдобавок, А.В. Кикин подтвердил, что отношения между Г.Г. фон Розеном и Р.Ф. Бауером неприязненные⁵¹. Поэтому вполне можно было предположить, что причины доноса связаны отнюдь не с радением генерал-майора о точном исполнении царских распоряжений, а скорее со служебным соперничеством двух военачальников. Ранее в Прибалтике постоянно находился Б.П. Шереметев, конкурировать с которым Р.Ф. Бауер, конечно, был не в состоянии. Однако после отзыва генерал-фельдмаршала с театра военных действий Бауер очевидно посчитал, что у него есть шанс утвердиться на вершине служебной иерархии, а для этого было необходимо «очернить» фон Розена перед царем — безотносительно к тому, правдив ли был донос.

Генерал-майор на достигнутом не остановился. В марте 1706 г. он писал уже не царю, а А.В. Кикину, что курляндское дворянство «за все к ним льготы» решило вознаградить Г.Г. фон Розена полутора тысячами ефимков. «Льготы» состояли в том, что своим «свойственникам» из числа курляндского дворянства фон Розен подписал «охранные листы», в которых утверждалось, что они

поставили для русской армии провианта на месяц. Однако, когда Р.Ф. Бауер прибыл в Митаву, вместо ожидаемого месячного запаса провианта не хватало и на пять дней⁵². Г.Г. фон Розен быстро понял, откуда «дует ветер», и решился обратиться прямо к царю с оправданиями. Он отправил к Петру I собственного сына, а позднее в письме просил о разбирательстве своего дела и высказал готовность даже пойти под арест, лишь бы только подозрения в измене были развеяны, «ибо можно сердце и совесть и разум потерять»⁵³.

Чувствуя, что удача уходит из рук, Бауер пошел ва-банк. Генерал-майор сначала через А.В. Кикина, а потом и прямо предупреждал царя о неких словах Г.Г. фон Розена, подтверждавших то, что он может предать. Петр не мог знать наверняка, правда это или всего лишь наговор, но подстраховаться следовало. А.Д. Меншиков был предупрежден царем, что Г.Г. фон Розен может перейти на сторону шведов⁵⁴. Дело явно зашло в тупик. С одной стороны, доводы Р.Ф. Бауера были достаточно вескими для того, чтобы их просто игнорировать, с другой же, доказательств вины фон Розена, а тем более его возможного предательства, не было. Более того, генерал-поручик, о предполагаемой измене которого шла столь оживленная переписка, даже не знал, в чем, собственно, заключается его преступление. В письме А.Д. Меншикову Г.Г. фон Розен просил хотя бы ввести его в курс дела, то есть либо дать прочитать написанные на него доносы, либо просто допросить, чтобы он мог оправдаться и прекратить все подозрения⁵⁵.

А.Д. Меншиков, казалось бы, нашел верное решение, предложив провести военный суд или кригсрехт⁵⁶. Сложность состояла в том, что организовать кригсрехт по всем правилам было затруднительно — война продолжалась, а шведы не желали давать русской армии передышку. Но Петр I справедливо заметил, что ни в одной армии мира не было такого, чтобы генералы под судом и следствием продолжали командовать, заменить же Р.Ф. Бауера и фон Розена кем-то было тогда невозможно. По этой причине царь все же разрешил А.Д. Меншикову провести кригсрехт, ограничив его лишь в вынесении приговора, для которого нужно было дожидаться царского

подтверждения⁵⁷. Однако исполнить это распоряжение Александр Данилович не успел, потому что Г.Г. фон Розен сам ускорил развязку грустной для него истории.

В сентябре 1706 г. генерал-поручик поссорился с равным ему по чину К.Э. фон Ренне, дрался с ним на дуэли и даже ранил, после чего был арестован. Происшествие случилось в изрядном подпитии, что показало импровизированное расследование А.Д. Меншикова⁵⁸. Но все же проигнорировать это было невозможно. Петр I жалел, что из-за ранения К.Э. фон Ренне не мог теперь нести службу, но показательно отреагировал на эту дуэль, заметив, что «лутче, что сей Розен себя в том за столом показал, нежели в баталии»⁵⁹. Могло показаться, что дни генерал-поручика на русской службе сочтены. Он успел прийти к соглашению с пострадавшим К.Э. фон Ренне, оба генерала признали свою вину, но Меншиков, словно бы подытоживая все произошедшее с иностранным военачальником в России, предлагал Петру I отпустить Г.Г. фон Розена «за море» с русской службы, поскольку в нем была «малая потребность»⁶⁰. Возможно, царь был бы и рад принять совет своего фаворита, но посчитал, что отпуск иностранца, обвиненного своим сослуживцем во взяточничестве или даже в предательстве, без какого-либо суда и следствия, «не без зазору будет»⁶¹. Такие решения могли негативно сказаться на престиже русской службы и в дальнейшем еще больше усложнить наем иностранных военачальников сколь-нибудь высокого ранга в Европе. Нужно было учитывать и то, что, вернувшись в пределы Священной Римской империи фон Розен, независимо от того, виновен в действительности или нет, мог утверждать, что «очернен» Р.Ф. Бауером, но вместо справедливого разбирательства просто изгнан со службы. Оставив же генерал-поручика в России, нужно было постараться организовать кригсрехт, что было очень сложно претворить в жизнь. Правила правилами, но отрывать генералов от командования царь не желал, запрещая А.Д. Меншикову вызывать Р.Ф. Бауера из Лифляндии и советуя все отложить до тех пор, «когда свободно время будет»⁶².

Выход из этого затруднения был найден необычный, превративший дело почти что в фарс. В январе 1708 г. генерал-поручика Г.Г. фон Розена перевели на службу в далекий Архангельск⁶³. При этом было велено выдавать ему неполное денежное жалование до вынесения решения кригсрехта, с тем, чтобы «ежели он прав, будет мочно на виноватых доправить и ему отдать»⁶⁴. Это назначение следует расценивать как попытку избежать запутанного судебного разбирательства — с одной стороны, и убрать испортившего свою репутацию генерала подальше от театра военных действий — с другой. С точки зрения сугубо практической, необходимости в переводе опытного военачальника в Архангельск не было. Архангельский воевода князь П.А. Голицын, узнав о назначении к нему Г.Г. фон Розена «для присмотру полков», недоуменно сообщил Г.И. Головкину о том, что не знает, куда ему назначить опального генерал-поручика. Для самого иностранца Архангельск не стал «тихой гаванью», где можно переждать сгустившиеся над ним тучи. Более того, в лице Голицына Г.Г. фон Розен встретил еще одного недоброжелателя. Воевода писал в Москву, что опасается поручать иностранцу командование войсками, «понеже я ево давно знаю, что он натурою Швед»⁶⁵. Наконец, Военный приказ, переведя генерал-поручика в Архангельск с урезанным денежным жалованьем, в реальности не выдал ему ничего, вследствие чего барон был вынужден писать царю с просьбой решить этот вопрос. Однако и спустя несколько месяцев никаких подвижек в этом деле не было, так что в июле 1708 г. П.А. Голицын был вынужден писать Г.И. Головкину с просьбой доложить Петру I о бедствиях иностранца на севере России, где он «з голоду умирает и с ума сходит». Фон Розен отказывался давать военные советы воеводе, как надлежало по его должности и опыту, «толко одну свою копитуляцию твердит и хочет чем быть сыт»⁶⁶. Жалованье генерал-поручику все же начали выплачивать, но какого-либо занятия архангельский воевода предложить дорогостоящему военачальнику не мог. В скуке и бездействии Г.Г. фон Розен провел на Севере еще полтора года, пока уже Т.Н. Стрешнев в ноябре 1709 г. не стал докладывать царю, что русское правительство тратит впустую деньги, потому

что генерал-поручик «с 708-го не у дела и на нынешней 709-й год дано ему половинного оклада на год тысяча восемьсот рублей, и то жалованье берет он напрасно»⁶⁷.

Скорее всего, это «представление» Стрешнева сыграло свою роль в судьбе фон Розена. Но в любом случае после Полтавского сражения поведение русского правительства на вербовочном рынке изменилось, в связи с растущим авторитетом петровской армии. Теперь уже Россия являлась желанным вариантом продолжения службы, где можно было не только подзаработать на безбедную старость, но и прославить свое имя в победах над вчерашними триумфаторами-шведами. Да и потребность в генералах для русской армии заметно сократилась. Основные вакансии более-менее заполнили, в крайнем случае, можно было прибегнуть к «точечному найму» определенного кандидата, а не пытаться привлекать на службу всех подряд. Беречь чувства потерявшего доверие генерала больше не было нужды, и Г.Г. фон Розена поспешили выпроводить из России. Вернувшись в Европу, пожилой военачальник решил больше не искать себе славы на ратном поприще. После десятилетий, проведенных в пороховом дыму под грохот пушек, барон все чаще стал задумываться о спасении души. В 1714 г., как добросовестный католик, он вступил в орден театинцев в Вене, навсегда оставив воинскую стезю. Так он прожил еще долгих 23 года, скончавшись под именем патера Густава в декабре 1737 г.⁶⁸

¹ В некоторых справочниках годом рождения указывается 1645 г., см.: Deutschbaltisches Biographisches Lexikon 1710–1960. — Köln; Wien, 1970. — P. 645. Однако эта дата противоречит «расспросным речам» лифляндца. По словам Г.Г. фон Розена, через 5 лет после поступления на французскую службу он уже был в чине капитана, успев побывать под Маастрихтом в 1673 г., когда его осаждали французские войска. Даже если предположить, что осада Маастрихта прилась на год пожалования фон Розену капитанского чина, а также учитывая, что к 1675 г. он уже оставил французскую службу, в 1673 г.

Георгу Густаву было не меньше 22 лет, то есть родился он не ранее 1651 г. Все эти построения верны лишь при условии, что мы доверяем «расспросным речам» и предполагаем, что у Г.Г. фон Розена не было причин что-либо утаивать от русских или путаться в датах. Эта же дата рождения, 1651 г., указана в другом справочнике, хотя его составители не использовали «расспросные речи» лифляндца в качестве источника: *Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften*. — Т. Livland. — В. II. — Lfg. 9–15. — P.1112.

² Письма и другие документы начальника Розряда и судьи Военного Приказа боярина Тихона Никитича Стрешнева // Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. — СПб., 1912. — Вып. I. 1698–1706 гг. — Кн. III. Приложение XXXVI. № 26. — С. 325.

³ *Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften*. — P. 1094–1095, 1110.

⁴ Hall R., Boeri G., Roumegoux Y. *Standards and Uniforms of the French Cavalry under Louis XIV. 1688–1714*. — N.Y., 2005. — P. 79.

⁵ Доказательств этого пока не найдено, хотя в своих «расспросных речах» при поступлении на русскую службу Г.Г. фон Розен говорил об участии в осаде Маастрихта в 1673 г., и нам известно, что рейтарский полк К. фон Розена также участвовал в этой кампании. См.: Hall R., Boeri G., Roumegoux Y. *Standards and Uniforms of the French Cavalry under Louis XIV*. — P. 79.

⁶ Однако непонятно, где именно учился Г.Г. фон Розен в Кенигсберге, так как его имени нет в матрикулах Кенигсбергского университета, см.: *Die Matrikel der Albertus-Universität zu Königsberg i. Pr. 1544–1829*. — Leipzig, 1917. — В. III. *Personenregister und Heimatsverzeichnis*.

⁷ *Deutschbaltisches Biographisches Lexikon 1710-1960*. — P. 645; *Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften*. — P. 1093–1094.

⁸ *Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften*. — P. 1094.

⁹ Письма и другие документы начальника Розряда и судьи Военного Приказа боярина Тихона Никитича Стрешнева. — С. 325.

-
- ¹⁰ Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. — P. 1112.
- ¹¹ Письма и другие документы начальника Розряда и судьи Военного Приказа боярина Тихона Никитича Стрешнева. — С. 325.
- ¹² Письма и бумаги императора Петра Великого (далее — ПБПВ). — СПб., 1889. — Т. II (1702–1703). — С. 697 (прим. к № 610).
- ¹³ Две промемории, представленные Паткулем Царю, 29 марта 1702 года в Москве // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. — СПб., 1863. — Т. IV. — Ч. II. Приложения. II. № 124–125. — С. 236.
- ¹⁴ Письма и другие документы начальника Розряда и судьи Военного Приказа боярина Тихона Никитича Стрешнева. — С. 325.
- ¹⁵ Можно считать, что из всех предполагаемых пунктов договора между Г.Г. фон Розеном и И.Р. фон Паткулем впоследствии выполнен был лишь один, так как на русской службе генерал-поручик действительно получал денежное жалованье в 300 с лишним рублей в месяц. Это жалованье складывалось из генеральского (250 руб.), полковничьего (35 руб.) и капитанского (18 руб.) окладов. См.: Документы, исходившие из различных Правительственных учреждений // [Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне.](#) — Вып. I.— Кн. III. Приложение XXVII. Б. Из Приказа военных дел. № 9. — С. 172.
- ¹⁶ Письма и другие документы начальника Розряда и судьи Военного Приказа боярина Тихона Никитича Стрешнева. — С. 325–326.
- ¹⁷ Там же. — С. 324.
- ¹⁸ [Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне.](#) — СПб., 1912. — Вып. I. 1698–1706 гг. — Кн. II. — С. 44.
- ¹⁹ ПБПВ. — Т. II (1702–1703). — С. 688 (прим. к № 598).

²⁰ Статьи, поданные Паткулем, по приезде в Москву, 27 марта 1702 года // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. — Т. IV. — Ч. II. Приложения. II. № 123. — С. 235.

²¹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 32. Сношения России с Австрией и Германской империей. Оп. 1. 1703 г. № 10. Л. 8–9 об. (оригинал на немецком языке); Л. 10–11 об. (русский перевод).

²² Там же. Л. 5 об.–6.

²³ ПБПВ. — Т. II. (1702–1703). — С. 697–698 (прим. к № 610).

²⁴ Там же.

²⁵ [Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне.](#) — Вып. I. — Кн. II. — С. 46.

²⁶ ПБПВ. — Т. II. (1702–1703). — С. 697.

²⁷ Письма и прошение генерал-поручика от кавалерии иноземца нового выезда барона Георгия-Густава Фабиановича фон-Розена // [Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне.](#) — Вып. I. — Кн. III. Приложение XXXII. № 1. — С. 315.

²⁸ Марченко [М.К.] Генерал-фельдмаршал-лейтенант барон Огильвий. Два года деятельности его в рядах русской армии (1704–1706 гг.) (материалы к его биографии по документам Меншиковского архива Академии наук) // Военный сборник. — СПб., 1900. — Т. CCLV. — Кн. 12. — С. 262.

²⁹ Там же.

³⁰ Нужно иметь в виду, что источником этой истории служит рукопись «Редко слышаемые поступки генерала фельдмаршала господина фон Огильвия в явленной своей услуге при головных Его Царского Величества войска», составленная в мае–сентябре 1706 г. в окружении А.Д. Меншикова, возможно даже по его велению. Целью этого труда было перечислить все преступления и проступки Г.Б. Огилви на русской службе, вероятно, чтобы оправдать ту

стойкую неприязнь, что питал к иностранцу А.Д. Меншиков. Понятно, что наряду с правдивыми историями в рукописи вполне могли содержаться и ложные известия. Однако недоброжелательное отношение Огилви к Г.Г. фон Розену в период их службы в России было несомненно и причиной вполне могла стать их ссора в Вене.

³¹ Письмо отца Илии Броджио, иезуита, к отцу Иоанну Миллеру, провинциалу. 1704 г., 29 июня, в праздник св. Петра и Павла. Краков // Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. — СПб., 1904. — № XXIV. — С. 119.

³² Документы, исходившие из различных Правительственных учреждений // [Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне](#). — Вып. I. — Кн. III. Приложение XXVII. А. Из Государственного Посольского Приказа. № 14. — С. 117.

³³ РГАДА. Ф. 32. Сношения России с Австрией и Германской империей. Оп. 1. 1703 г. № 10. Л. 6.

³⁴ Там же. Л. 15 об.

³⁵ См. прим. 32.

³⁶ ПБПВ. — СПб., 1893. — Т. III (1704–1705). — С. 832 (прим. к № 823).

³⁷ Военно-походный журнал (с 3 июня 1701-го года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по Высочайшему повелению в Новгород и Псков для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск шведского короля // Материалы Военно-Ученого Архива Главного Штаба. — СПб., 1871. — Т. I. — Ч. III. — Стб. 178–180, 187. О сражении при Гемауэртгофе или Мур-мызе см.: Великанов В.С., Мехнев С.Л. Курляндский поход Шереметева и «упущенная виктория» при Мур-мызе (Гемауэртгофе) 26 июля 1705 г. // Старый Цейхгауз. — 2014. — № 1 (57). — С. 70–80.

³⁸ Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. — М., 1989. — С. 82.

³⁹ Письма и другие документы генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева // [Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне.](#) — СПб., 1912. — Вып. I. — Кн. III. Приложение XXXIX. № 69. — С. 404.

⁴⁰ Драгунские полки генерал-поручика Г.Г. фон Розена, генерал-майора Р.Ф. Бауера, полковников кн. Г.С. Волконского, кн. П.Ф. Мещерского, Н. Инфланта, А. Дюмона, кн. Б.И. Гагарина.

⁴¹ Письма и другие документы генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. — С. 402–404.

⁴² ПБПВ. — СПб., 1900. — Т. IV. (1706). № 1024. — С. 10.

⁴³ Там же. — № 1071. — С. 63.

⁴⁴ Там же. — № 1127. — С. 127.

⁴⁵ Там же. — № 1159. — С. 170.

⁴⁶ Там же. — С. 810 (прим. к № 1198).

⁴⁷ Там же. — № 1137. — С. 141.

⁴⁸ Там же. — С. 654 (прим. к № 1104).

⁴⁹ Там же. — № 1101. — С. 94.

⁵⁰ Там же. — С. 650 (прим. к № 1101).

⁵¹ Там же. — № 1171. — С. 180.

⁵² Там же. — С. 670 (прим. к № 1126); Там же. — С. 686 (прим. к №).

⁵³ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отделение II. Входящие письма. Оп. 3. № 5. Л. 785.

⁵⁴ ПБПВ. — СПб., 1900. — Т. IV. (1706). № 1279. — С. 300.

⁵⁵ Письма и прошение генерал-поручика от кавалерии иноземца нового выезда барона Георгия-Густава Фабиановича фон-Розена. — Приложение XXXII. № 4. — С. 319.

⁵⁶ ПБПВ. — СПб., 1900. — Т. IV. (1706). — С. 959 (прим. к № 1259).

⁵⁷ Там же. — № 1289. — С. 311.

-
- ⁵⁸ Там же. — С. 1053–1054 (прим. к № 1361).
- ⁵⁹ Там же. — № 1361. — С. 377.
- ⁶⁰ Там же. С. 1130-1131 (прим. к № 1391).
- ⁶¹ Там же. — № 1391. — С. 401.
- ⁶² Копии с писем Государя Петра I к князю Меншикову. 1707–1711 гг. (1708 года. № 28) // Сборник военно-исторических материалов. — СПб., 1892. — Вып. 1. Северная война. Документы. 1705–1708 гг. — С. 59.
- ⁶³ РГАДА. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 3. № 4905. Л. 1–2. Благодарю за предоставленную информацию и ссылку на источник В.С. Великанова.
- ⁶⁴ Копии с писем Государя Петра I к князю Меншикову. 1707-1711 гг. (1708 года. № 28). — С. 59.
- ⁶⁵ ПБПВ. — М.–Л., 1946. — Т. VII. — Вып. 2. — С. 726 (прим. к № 2370).
- ⁶⁶ Там же. — С. 727.
- ⁶⁷ ПБПВ. — М., 1952. — Т. IX. — Вып. 2. — С. 1265 (прим. к № 3440).
- ⁶⁸ Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. — P. 1094.